

- <sup>108</sup> ПСРЛ. Т. XIII. С. 320; Белокуров С.А. Указ. соч. С. LI.
- <sup>109</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. XLVIII.
- <sup>110</sup> Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 223.
- <sup>111</sup> Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979. С. 71.
- <sup>112</sup> Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 301.
- <sup>113</sup> Новосельский А.А. Указ. соч. С. 19.
- <sup>114</sup> Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 394.
- <sup>115</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVIII.
- <sup>116</sup> Новичев А.Д. Указ. соч. С. 100–101.
- <sup>117</sup> Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 228, 531–532.
- <sup>118</sup> Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 17.
- <sup>119</sup> Адыгская (черкесская) энциклопедия. С. 181.
- <sup>120</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. LX; Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 141; Кочекаев Б.-А.Б. Указ. соч. С. 104, 105.
- <sup>121</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVII.
- <sup>122</sup> Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 264.
- <sup>123</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. LVIII; Архив института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, ф. 1, оп. 5, д. 26, л. 32; КРО. Т. 1. С. 11; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 357.
- <sup>124</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. LXI.
- <sup>125</sup> КРО. Т. 1. С. 11.
- <sup>126</sup> Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 24.
- <sup>127</sup> Белокуров С.А. Указ. соч. С. LX.
- <sup>128</sup> Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 358.

© 2011 г. В. И. ГУРЬЕВ\*

## МОСКОВСКАЯ СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ

Изучение организации и деятельности учреждений, обеспечивающих правопорядок, имеет большое значение для понимания как политической, так и социальной истории Российской империи. Их исследовали и дореволюционные правоведы (И.Е. Андреевский, В.Ф. Дерюжинский, И.Т. Тарасов<sup>1</sup>), и советские историки, писавшие о государственном аппарате царской России (П.А. Зайончковский, Н.П. Ерощкин<sup>2</sup>), и современные авторы<sup>3</sup>. Непосредственно сыскной полиции посвящено всего несколько биографических очерков и работ, в которых воссоздана лишь общая картина функционирования уголовной полиции XIX – начала XX в.<sup>4</sup> При этом их авторы основывались преимущественно на нормативных актах, обычно приводя в качестве примеров сведения, относящиеся к петербургскому сыску. Деятельность же сыскной полиции в других городах, в том числе и в Москве, практически не рассматривалась (если не считать использования фрагментов воспоминаний А.Ф. Кошко, возглавлявшего московскую сыскную полицию в 1908–1914 гг.). Ценнейшие документы, хранящиеся в ЦИАМ в фондах московской сыскной полиции, а также канцелярий обер-полициймейстера (а затем градоначальника) и генерал-губернатора, до сих пор почти не использовались историками<sup>5</sup>. И хотя делопроизводство сыскной полиции первопрестольной сохранилось далеко не полностью (особенно мало данных о ее положении в 1890-х гг.), имеющийся материал требует тщательного анализа.

\* Гурьев Владислав Игоревич, аспирант Московского городского педагогического университета.

С начала XIX в. в штате московской полиции числились 2 сыскных пристава (наиболее известен из них Г.Г. Яковлев)<sup>6</sup>. Иногда в качестве сыщиков выступали и частные приставы, опиравшиеся на свои способности и знание криминального мира и оплачивавшие услуги помогавших им лиц из собственного кармана<sup>7</sup>. Так, репутацию удачливого сыщика имел пристав К.Г. Муравьев (позднее, в 1883–1885 гг. он занимал пост начальника сыскной полиции). Он прощал вора мелкие кражи, а те помогали ему раскрывать крупные<sup>8</sup>. В то время система отчетности и контроля за действиями сыщиков практически отсутствовала.

Великие реформы 1860-х гг. вызвали стремительный рост городского населения и его мобильности, что неизбежно вело к значительному осложнению криминогенной обстановки. В многолюдном городе было проще найти жертву и скрыться от правосудия, да и развитие сети шоссейных и железных дорог заметно упрощало преступникам жизнь. Для реформированного, гласного суда с адвокатами и присяжными требовалось не просто найти преступника, но и убедительно и юридически корректно доказать его вину. Все эти факторы серьезно усложняли положение полиции, необходимость реформирования которой неоднократно признавалась с конца 1850-х гг. Однако постепенное ее преобразование началось только в 1880–1881 гг. (в Петербурге – с 1866 г.). Важнейшим элементом этой реформы стало создание в крупнейших городах империи подразделений сыскной полиции.

5 мая 1881 г. Александр III утвердил «Положение о московской полиции», которым, в числе прочего, предусматривалось и создание московской сыскной полиции. Так, в ст. 25 говорилось, что «начальник сыскной полиции и чиновники, при нем состоящие, находясь в полном распоряжении обер-полицеймейстера»<sup>9</sup>. Задачи сыскной полиции при этом не конкретизировались: только от усмотрения обер-полицеймейстера зависело, какими именно правонарушениями она будет заниматься. По штату кроме начальника в московской сыскной полиции числились также 2 чиновника по особым поручениям, 12 полицейских надзирателей, делопроизводитель и его помощник. На экстренные расходы и наем писцов и агентов отпускались особые суммы<sup>10</sup>.

1 июля 1881 г. первым начальником московской сыскной полиции стал Николай Никифорович Струков, которому к моменту назначения было уже 55 лет. Окончив Константиновский межевой институт, он служил уездным землемером, после смерти местного исправника в течение нескольких месяцев исполнял его обязанности, и, вероятно, почувствовав вкус к работе сыщика, поступил на должность судебного следователя в Малоярославском уезде. К началу 1880-х гг. он состоял приставом в Москве<sup>11</sup>. Летом 1881 г. Струков приступил к формированию личного состава московского сыска, однако о том, как именно оно происходило, практически ничего не известно. Судя по «Списку чинов Управления Московской сыскной полиции», в середине 1880-х гг. в нем под начальством полковника Пуркасова служили чиновник для особых поручений, девять надзирателей (один из них, А. Торгиевский, заведовал адресным столом, на практике первоначально соединенным с сыскной частью), делопроизводитель, его помощник и восемь писцов. Девять полицейских несли службу в управлении с 1881 г. (семеро – с июля, т.е. с момента его создания)<sup>12</sup>. В помещении канцелярии сыскной полиции находилось 9 столов, 5 маленьких столиков, 29 стульев, конторка и табурет, в адресном столе – 12 столов и 49 стульев<sup>13</sup>.

Впрочем, к концу XIX в. Управление сыскной полиции было полностью укомплектовано и отделено от адресного стола. Большую роль в этом сыграл М.А. Эфенбах, руководивший московским сыском с 15 февраля 1886 г. по 7 мая 1894 г.<sup>14</sup> До этого Михаил Аркадьевич 20 лет прослужил в петербургской полиции письмоводителем, затем стал помощником пристава. В январе 1880 г., рискуя жизнью, он отличился при захвате типографии «Народной воли» в Саперном переулке, за что был произведен в надворные советники, получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом и удостоился аудиенции и личной похвалы императора. Однако вскоре он перевелся помощником пристава в Москву, затем вновь вернулся в Петербург, уже на должность пристава, и только в 1886 г. окончательно переехал в первопрестольную, где дослужился до чина

статского советника и прославился как умелый сыщик, лично раскрывший десятки сложных дел, в том числе несколько убийств, ограбление ризницы Чудова монастыря (тогда были украдены ценные бумаги и вещи на сумму 1.2 млн руб.) и т.д.<sup>15</sup> Недалом журналисты называли Эфенбаха русским Леококом, сравнивая его со знаменитым французским сыщиком<sup>16</sup>.

Не менее яркой фигурой был Василий Иванович Лебедев, возглавивший Управление в 1903 г. и много сделавший для развития сыского дела в Москве, а позднее и в России в целом. Прослужив 6 лет в армии, поручик Лебедев поступил на службу в полицию, где в течение 10 лет занимал должности помощника пристава, пристава, исполняющего обязанности начальника сыской полиции<sup>17</sup>. Это был энтузиаст сыского дела и внедрения новейших достижений криминалистики своего времени. На посту начальника московской сыской полиции ему удалось добиться серьезного улучшения работы системы опознания и регистрации (стола приводов), была приобретена специальная аппаратура для фотолаборатории и бертильонажа<sup>18</sup>. Позднее он возглавил VIII делопроизводство Департамента полиции МВД, в ведении которого находился весь уголовный розыск империи. После издания в 1908 г. закона о создании отделений сыской полиции в большинстве городов империи<sup>19</sup> (до этого они существовали только в Петербурге, Москве, Варшаве, Лодзи, Риге, Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, Тифлисе и Баку) Лебедев руководил курсами подготовки кандидатов в начальники сыской полиции на местах<sup>20</sup>. Он же являлся первым организатором и популяризатором использования кинологии при розыске преступников<sup>21</sup>. В 1908 г. им было создано Российское общество поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе; для обучения служебных собак устроили специальный питомник<sup>22</sup>.

В 1906 г. численность сыской полиции заметно возросла. По новым штатам, утвержденным 26 апреля, начальник московского сыска имел в своем подчинении помощника и четырех чиновников для особых поручений, а делопроизводитель – двух помощников; вводились новые должности – журналиста-архивариуса, фельдшера и фотографа (до этого штатный фотограф сыской полиции числился полицейским надзирателем), количество полицейских надзирателей выросло в 5 раз (с 12 до 60). Всего сыская полиция первопрестольной насчитывала теперь не 17, а 72 человека<sup>23</sup>. Но даже этот состав пришлось усилить: дополнительно были привлечены 15 городовых и 4 служителя<sup>24</sup>. Для сравнения, в московском охранном отделении в начале XX в. служили 12 офицеров, 25 канцелярских служителей, около сотни филеров и 60 полицейских надзирателей, т.е. почти 200 человек<sup>25</sup>.

К сожалению, расширение штата сыской полиции в тот момент способствовало скорее ее разложению. Оно началось с того, что во время декабрьского восстания в своей квартире был убит революционерами начальник сыской полиции А.И. Войлошников, принятый за руководителя охранки, где он долгое время служил (роль доказательства сыграли фотографии разыскивавшихся преступников)<sup>26</sup>. Его заменил Д.П. Моисеенко, служивший в полиции с 1895 г., но имевший плохую репутацию, подозревавшийся во взяточничестве и даже отсидевший трое суток на гауптвахте (для офицера полиции случай совершенно исключительный) за затягивание дел<sup>27</sup>. Пользуясь поддержкой нового градоначальника, генерал-майора А.А. Рейнбота, Дмитрий Петрович полностью развалил деятельность сыской полиции, стараясь прикрыть созданную им систему вымогательства и сотрудничества с преступниками. Под покровительством сотрудников полиции сложилась даже устойчивая преступная группа польских сутенеров, контролировавших значительную часть рынка незаконной проституции в Москве<sup>28</sup>. Резкое расширение штатов полиции позволило Моисеенко привлечь на службу тех, кто соглашался участвовать в его преступной деятельности. Те же, кто не желал ее терпеть, вынуждены были увольняться.

Вскоре в московской сыской полиции стали нормой отказ в заведении дела, вымогательство денег как у потерпевших, так и у обвиняемых, сделки с преступниками. Характерным для этого времени было расследование кражи у Лауры Мицкевич. Ее служанка во время отсутствия хозяев вынесла из квартиры большое количество раз-

личных вещей, включая простыни, ложки, одежду и т.д. Мицкевич подала заявление в полицию. Спустя некоторое время к ней обратился «сыщик» – полицейский надзиратель третьего разряда В. Королев. Он предложил заплатить воровке 10 руб. для того, чтобы она показала, где прячет украденные вещи (впрочем, затем взял только 5 руб., сказав, что этого будет достаточно). На следующий день Мицкевич вместе с Королевым и полицейским надзирателем второго разряда С. Кайнихом приехали в дом к некоей Смирновой, где к ним присоединился местный околоточный. Войдя, они увидели, что жильцы празднуют именины, и тут же на праздничном столе Мицкевич заметила свои серебряные ложки. Во время произведенного обыска ее поразило большое количество сундуков, отрезов материи, предметов одежды и белья в скромном на вид доме. Кроме ложек она опознала еще 6 простынь, 2 скатерти, 2 крестика, серьги, летнее мужское пальто и дамский жакет, 4 платка, юбку и 2 батистовые кофточки. Были обнаружены и вещи, проходившие по другой краже. Смирнова заявила, что купила их у незнакомой женщины. Мицкевич просила продолжить обыск в других комнатах, но сыщики сообщили ей, что это невозможно, поскольку там живут жильцы Смирновой. Получив на следующий день свои вещи, Мицкевич вынуждена была заплатить Королеву и Кайниху еще 25 руб.<sup>29</sup> Таким образом, всего за несколько дней двое сотрудников сыскальной полиции получили от одной потерпевшей 30 руб. Вероятно, откупаться от них пришлось и Смирновой, являвшейся, по-видимому, скупщицей краденого. И это при том, что месячный оклад полицейского надзирателя второго разряда составлял 60 руб., а третьего – 54 руб.<sup>30</sup>

Впрочем, не все сотрудники полиции были коррумпированы. Большую роль в разоблачении деятельности Моисеенко сыграл В.С. Стефанов, пожалуй, наиболее успешный сыщик московской полиции начала XX в. Судя по тому, что в первые годы службы он называл себя Василий Степанов Стефанов, родители его были из крестьян или мещан. Бывший учитель в селе Верещагино Смоленской губ. Стефанов, чувствуя интерес и способности к сыскальному делу, в 1890 г. устроился в московскую полицию на должность участкового письмоводителя и через 4 года стал околоточным надзирателем в третьем участке Лефортовской части. В его околотке находился крупный завод, и довольно быстро он «уменьшил кражи на заводе и сократил деятельность скупщиков краденого и тайных торговцев вином, выявил ряд воров, при этом не возбуждая недовольства рабочих»<sup>31</sup>. За время службы околоточным им были получены 40 благодарностей и 6 наград (4 серебряные медали и пара часов с цепочкой) и даже некий подарок от президента США. Неудивительно, что он был переведен в сыскальную полицию<sup>32</sup>. Опасаясь развала деятельности управления, Стефанов открыто протестовал против назначения Моисеенко, однако продолжал служить, добросовестно исполняя свой долг. Оставить службу ему не позволяла и необходимость содержания жены и пятерых детей.

Весной 1907 г. Р.И. Арнольд, недавно назначенный прокурором московского окружного суда, заинтересовался кражами на железных дорогах. Обратившись в сыскальную полицию, он обнаружил там полнейший беспорядок в делах, о чем и сообщил градоначальнику. Однако несмотря на обещания разобраться, ничего не делалось, и расследование было фактически заморожено. Тогда, по прямому настоянию Арнольда к следствию был привлечен Стефанов, пользовавшийся в Москве большим авторитетом. Совместно с судебным следователем А.Н. Бухманом он начал расследовать хищения и обнаружил целую систему краж и грабежей, ставшую источником дохода для значительного количества людей. В условиях революции, постоянных волнений и забастовок на Московском железнодорожном узле скопилось огромное количество грузов, значительная часть которых оставалась неучтенной, поскольку те, кому они принадлежали, зачастую даже не знали об их местонахождении, недостачу же всегда можно было списать на беспорядки. В результате, хищения приобрели массовый характер: общая сумма потерь за 1906 г. достигла, по примерным подсчетам, 9–11 млн руб.<sup>33</sup> Вдоль железных дорог и рядом с узловыми станциями возникла сеть мелких лавочек, для вида торговавших хлебом или железом. Между тем легальная торговля

в этих местах была убыточна и процветала лишь скупка краденого: лавки ежедневно объезжали крупные торговцы (Сабонин, Васильев, Красавцев, Исаев), скупавшие накопившийся за сутки товар, который затем перерабатывался и продавался уже совершенно открыто. Так, хлопок и шерсть сортировались, прессовались и отправлялись в Лодзь. Это стало обычной практикой и приняло столь крупные масштабы, что обилие краденого (т.е. дешевого) товара иногда вызывало изменение цен на бирже<sup>34</sup>. Многие лица, занимавшиеся этой торговлей, считали свой промысел вполне законным<sup>35</sup>. Моисеенко не раз заявлял, «что розысков по железнодорожным делам особенно производить не следует», поскольку «железные дороги ничего не платят»<sup>36</sup>.

Взявшись за это дело, Стефанов сразу столкнулся с противодействием: за вызванными им свидетелями не посылали, если же они приходили сами, то их не допускали к Стефанову<sup>37</sup>. Так произошло, например, когда в сыскную полицию явился по вызову бывший писец третьего участка Лефортовской части Н.С. Михайловский, собиравшийся дать показания о постоянных кражах товара и об укрывательстве воровавших полицией. Помощник начальника сыскной полиции Евстафий Дещинский обругал его и выгнал из управления, приказав городовому, находившемуся у входа в полицию, проследить за тем, чтобы тот ушел. При этом Дещинский запретил Михайловскому впредь показываться в сыскной полиции<sup>38</sup>. Арестованных Стефановым лиц рассаживали по камерам таким образом, что это наносило ущерб следствию. Кроме того теперь телеграммы о вызове свидетелей подписывались лично Моисеенко или Дещинским. Все телеграммы Стефанова просматривались и некоторые из них вообще не отправлялись<sup>39</sup>. В конце концов Стефанов все-таки добился успеха, арестовав некоего Галягина, воровавшего на железной дороге. Тот выдал скупщика краденого Зыбина, который начал давать признательные показания и указал, что присутствующий здесь же на допросе полицейский надзиратель Степан Сологуб замешан в этом деле и все прекрасно знает. Пока Стефанов оформлял протокол, Сологуб отправился к Моисеенко, а тот – к Рейнботу. Вызвав Стефанова, градоначальник потребовал немедленно написать прошение об отставке, угрожая в противном случае уволить его без прошения, за то, что он «помимо своего начальства дает судебной власти сведения по разным делам»<sup>40</sup>. Более того, градоначальник заявил, что если он продолжит сотрудничать с прокуратурой, «то будет арестован и выслан из Москвы как обыкновенный арестант»<sup>41</sup>. Увольнение Стефанова вызвало у Моисеенко и его пособников «бешеный восторг»<sup>42</sup>.

Однако уйдя в отставку, Стефанов отправился в Петербург, где его поддержал Лебедев. Покровительство Рейнбота уже не могло помочь Моисеенко, поскольку московский генерал-губернатор С.К. Гершельман был не прочь осадить зарвавшегося градоначальника<sup>43</sup>. В Москву прибыл чиновник Департамента полиции В.А. Дьяченко, который, опираясь на показания Стефанова и рекомендованных им сотрудников сыскной полиции (П. Баронина, В. Бышова, И.Н. Гревцова, Лагунова, Улупова), весьма энергично провел обследование сыскной полиции, выявившее многочисленные факты вымогательства и взяточничества. Имелись сведения и о получении взяток ближайшими сотрудниками Рейнбота – начальником полицейского резерва полковником Л.А. Комендантовым и помощником градоначальника полковником В.А. Коротким<sup>44</sup>. Все это послужило основанием для проведения в городе сенаторской ревизии Н.П. Гарина, в ходе которой многие сотрудники московской сыскной полиции, в том числе и Моисеенко, были уволены, а некоторые (Г. Ботнев, В. Кайних, В. Морковин, С. Сологуб, А.А. Риске, А.А. Кноль, Ф.Ф. Штраших, А.Д. Габоев) даже отданы под суд и признаны виновными<sup>45</sup>. Рейнбот и Короткий также были отправлены в отставку и попали под суд (в мае 1911 г. осуждены на год тюремного заключения, но помилованы императором).

Стефанов так и не вернулся на работу в сыскную полицию. Состоя чиновником канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника, он был откомандирован в распоряжение московского окружного прокурора для производства розыска и дознаний по хищениям на Московском железнодорожном узле. В течение семи месяцев, пока им велось это дело, жалованье ему платило правление Московско-Казанской железной

дороги (600 руб. на проживание и 500 руб. на расходы в месяц). Из-за болезни Стефанов большую часть времени проводил в постели, перенеся целый ряд операций. Тем не менее он непосредственно занимался раскрытием преступлений и даже лично участвовал в перестрелке с шайкой грабителей во главе с Сергеем Хрипатым и Ленкой Хотьковским, в которой последний был убит. Бандиты тщетно покушались на жизнь сыщика. В итоге Стефанову удалось добиться почти полного прекращения хищений на Московско-Казанской дороге. При этом к смертной казни, тюремному заключению и каторжным работам были приговорены более 200 человек. Возник даже план создания специальной железнодорожной полиции, однако из-за волокиты и споров между жандармами, обеспечивавшими безопасность и порядок на железных дорогах, и Департаментом полиции реализован он не был. Стефанову пришлось оставить службу по состоянию здоровья<sup>46</sup>.

После отстранения Д.П. Моисеенко начальником московского сыска стал бывший заместитель начальника петербургской сыскальной полиции А.Ф. Кошко. Он не только провел серьезную чистку рядов, но и реорганизовал сыскальную полицию первопрестольной по примеру Петербурга. Управление по-прежнему состояло из 5-подразделений, 4 из которых представляли собой отделения во главе с чиновником для особых поручений, но если раньше они вели свои дела по всему городу, то теперь каждое из них отвечало за определенное отделение Москвы (в полицейском отношении город делился тогда на 4 отделения, 17 частей и 48 участков)<sup>47</sup>. К каждому из участков был прикреплен полицейский надзиратель, который должен был посещать его не менее двух раз в день, присутствовать на местах серьезных происшествий и первым докладывать о них чиновнику, отвечающему за данное отделение, или начальнику сыскальной полиции. Если первые сведения поступали из других источников, то это считалось серьезным упущением со стороны надзирателя. В своем участке полицейскому надзирателю следовало знать все притоны, скупщиков краденого, хипесные квартиры<sup>48</sup> и т.д. Каждое утро ему полагалось отчитываться перед чиновником, стоявшим во главе отделения, а в случае болезни предоставлять ему письменное уведомление. Каждый месяц (шестого числа) надзиратель должен был подавать так называемую цифровую ведомость, в которой указывалось количество полученных поручений вообще и по кражам в частности, сколько поручений осталось невыполненными и каков их процент к общему числу, а также на какую сумму было найдено украденного имущества, как часто надзиратель обходил свой участок, вызывался к судебным властям, где именно он дежурил, кроме сыскальной полиции, и какие им замечены преступники (при этом особо выделялись скупщики краденого). Помимо этого полицейские надзиратели составляли отчеты о выполнении заданий. На основании этих материалов создавались специальные схемы по конкретным видам преступлений и графики преступности с указанием данных по каждому участку, о которых начальник сыскальной полиции докладывал градоначальнику.

Формально полицейские надзиратели были независимы от участковых приставов, а те, в свою очередь, не подчинялись сыскальной полиции. Но каждый пристав регулярно получал от начальника сыска особую ведомость, шедшую под грифом «секретно»<sup>49</sup>. После заполнения она возвращалась им лично в руки начальнику сыскальной полиции. В ведомости пристав должен был дать оценку действий полицейского надзирателя, прикрепленного к его участку, и указать, насколько тот соответствует своей должности: посещает ли 2 раза в день участок, хорошо ли его знает, своевременно ли является на место преступления, оказывает ли помощь при раскрытии правонарушений, достойно ли ведет себя с обывателями и другими полицейскими чинами, не замечен ли в предосудительных поступках и нетрезвом поведении.

Таким образом, надзиратель контролировался не только чиновником, руководившим его отделением, но и наружной полицией. С другой стороны, и отчеты полицейских надзирателей служили дополнительной формой контроля за приставами. Подобная система позволяла намного более четко, чем раньше, фиксировать уровень преступности по районам и разрядам и оценивать деятельность полицейских чинов.

Впервые московская сыскная полиция стала организовывать свои отделения на местах и вести систематическую статистику. Прикрепленные к отдельному участку надзиратели лучше знали свой район, а при необходимости могли призвать на помощь полицейских надзирателей из соседних участков. Кроме того, как надзиратели, так и чиновники для особых поручений пользовались услугами секретных сотрудников. Чаще всего они выполняли роль информаторов, но иногда участвовали и в поимке преступников. Кошко имел и собственных осведомителей, которых использовал прежде всего для наблюдения за самими полицейскими. Среди них были барышня с телефонной станции, известный исполнитель романсов, двое метрдотелей, агент похоронного агентства, служащие различных учреждений и др.

Борьба с наиболее сложными преступлениями и опасными преступниками велась летучим отрядом, насчитывавшим около 40 человек и действовавшим по всему городу. Внутри отряда существовала своя негласная специализация по видам и местам краж (лошадники, коровники, магазинчики, театралы, специалисты по обнаружению пропавших собак и кошек и т.д.). Полицейские, входившие в летучий отряд, вместе с другими чинами сыскной полиции дежурили в местах особого скопления людей – на вокзалах, бегах и т.д. Каждое утро начальник летучего отряда подавал ведомость о количестве задержанных воров, нищих и хулиганов. Также велось наблюдение за городскими и частными ломбардами, где часто сбывались краденые вещи.

Большинство начальников сыскной полиции начинали свою карьеру армейскими офицерами, потом служили на офицерских должностях в наружной полиции, а затем сразу же оказывались во главе сыска. Опыта розыскной работы при этом не требовалось. Так, Кошко, окончив Казанское юнкерское пехотное училище и прослужив около года в армии, уволился в запас подпоручиком. Спустя 6 лет он подал прошение о поступлении на службу в рижскую полицию и сразу получил должность пристава, а через год занял место начальника сыскной полиции Риги<sup>50</sup>. Конечно, Аркадий Францевич был незаурядным сыщиком, но именно дворянское происхождение и офицерский чин обеспечили ему столь быстрое продвижение. Сказывалось и то, что полицейская деятельность не пользовалась популярностью и престижем в обществе. «Как ты, молодой офицер, и поступаешь на такую ужасную должность?!», – удивлялись родственники Кошко<sup>51</sup>. Поэтому на службу в полицию, особенно сыскную, где очень многое зависело от таланта и трудно было сделать быструю карьеру, нередко шли энтузиасты сыского дела.

Разумеется, начальник сыскной полиции лично следил за расследованием только наиболее важных дел. Обычные дела вели чиновники для особых поручений. Именно они производили дознание и руководили розыском, опрашивали потерпевших и свидетелей, немедленно давали телеграммы о розыске имущества и лиц, устанавливали наблюдение за подозреваемыми, продавцами и скупщиками краденого. Они же контролировали расходы своих подчиненных. О каждом «выдающемся» преступлении (грабеже, краже, вооруженном нападении) ими составлялись доклады, а о каждой законченной переписке ежемесячно сообщалось начальнику сыскной полиции. Карьеры чиновников сыскной полиции складывались по-разному. Некоторые из них поначалу служили в обычной полиции на офицерских должностях. К примеру, Е. Дешинский начинал свою службу как помощник пристава, через 6 лет перешел на должность чиновника сыскной полиции, возглавив отряд полицейских надзирателей, позднее стал помощником начальника резерва московской полиции и затем – помощником начальника сыскной полиции<sup>52</sup>. Но многие сотрудники сыска поднимались с самых низов. Так, В. Кайних поступил на должность вольнонаемного агента, получил место полицейского надзирателя, после чего стал исправляющим должность чиновника сыскной полиции<sup>53</sup>.

Рядовыми служащими сыскной полиции являлись полицейские надзиратели (занимая должность XIV класса, они, однако, не пользовались правом на производство в чины за выслугу лет). Надзиратели участвовали в розыске (в осмотрах, обысках и облавах, опросе потерпевших и свидетелей), выполняли поручения начальства, несли

дежурства, собирали сведения у своих осведомителей. Иногда к сыску привлекались и городовые, формально приписанные к какому-либо участку, но фактически занимавшиеся розыскной деятельностью. Для того чтобы восполнить недостаток людей при отсутствии штатных вакансий, городовыми оформляли даже тех, кто с самого начала шел служить в сыск и подавал прошение на имя начальника сыска, а не начальника полицейского резерва. В целом в сыскальной полиции всегда существовала возможность сделать карьеру с должности простого агента до полицейского чиновника, тогда как в наружной полиции назначение даже бывшего околоточного (не говоря о городовом) на должность пристава было невозможно.

Особое значение имела канцелярия сыскальной полиции. Ее первый отдел состоял из столов делопроизводителя и его помощников, где составлялись общие обзоры и доклады о деятельности сыска, велась финансовая документация и личные дела служащих. Второй отдел (стол розыска) вел всю переписку о розыске, обрабатывал запросы из различных ведомств, готовил розыскные листы, списки задержанных и высланных из Москвы. Долгое время им руководил Иван Николаевич Гревцов. Выходец из крестьян, он 5 лет служил в канцелярии Ливенского земского начальника письмоводителем, а в 1902 г. поступил на службу полицейским надзирателем в московскую сыскальную полицию, успешно сдав экзамен на чин коллежского регистратора, несмотря на скудное образование (2 класса училища) и кошмарный почерк. Будучи помощником делопроизводителя, он активно проявил себя как свидетель обвинения во время расследования деятельности Моисеенко. После отстранения последнего от должности занял место архивариуса и журналиста, что приносило ему 1 тыс. руб. в год. После Февральской революции Гревцов продолжил служить старшим конторщиком уже в уголовно-розыскной милиции<sup>54</sup>.

В третий отдел (стол находок) поступали данные о потерянных и найденных вещах и животных (прежде всего о скотине). Здесь же собирались сведения о пропавших мужьях, выдавались виды на жительство. Четвертый отдел делился на журнальную и архивную части. В журнальной части фиксировались приказы, распоряжения, ход делопроизводства и т.д. Архивная часть отвечала за хранение документов, ведение алфавитной книги дел и журналов и составление картотеки лиц, проходящих по материалам сыскальной полиции.

В пятом отделе (стол приводов) опрашивали задержанных, при необходимости проводили антропометрические измерения, снимали отпечатки пальцев, делали фотографии. Фотографические карточки преступников в московской полиции стали делать с 1867 г.<sup>55</sup>, однако сами по себе они еще не давали возможности опознать человека. Проблема опознания стояла тогда перед полицией всего мира. Первая система идентификации, основанная на антропометрических измерениях, была предложена А. Бертильоном, и с 1881 г. была принята в Париже, а с 1888 г. – во Франции в целом<sup>56</sup>. Позднее ее начали использовать и в других европейских странах. Она предусматривала установление размеров человеческого тела по 27 параметрам (поперечное и продольное сечение черепа, размер грудной клетки и т.д.). В России система бертильонажа была официально принята в 1890 г. (в Москве применялась с 1892 г.)<sup>57</sup>.

Признанным специалистом бертильонажа был полицейский надзиратель И.Е. Бояр, служивший в полиции с 1895 г., а в 1899–1917 гг. заведовавший столом приводов<sup>58</sup>. Небольшого роста, угрюмый в обычной жизни человек, он был настоящим фанатиком своего дела. Возможность изобличить скрывающего свою фамилию преступника была для него своего рода охотой. Помимо использования двух алфавитов (регистров), он также опирался на свой огромный опыт и нередко на глаз устанавливал профессию и социальное положение человека. Подозреваемых часто запугивали разнообразными циркулями, линейками и прочими приборами, изображая их чуть ли не пыточными инструментами. Если же эти методы не производили впечатления, а выяснить личность по картотеке не удавалось, Иван Егорович искренне переживал, становился мрачен, говоря, что все эти измерения – ерунда и надо бы всыпать подозреваемому плетей. При молчаливом согласии начальства, он мог применить и физическое насилие, но на

это шел только Моисеенко<sup>59</sup>. После революции Бояр признал советскую власть и, по словам своего бывшего начальника, «совсем оприхвостился и рьяно служит большевистским чека, изопряясь в своем искусстве уже не над уголовным элементом, а над нашим братом»<sup>60</sup>.

С 1907 г. в московской сыскной полиции начали применять дактилоскопию, добавляя к существующим карточкам бертильоновской системы отпечатки пальцев<sup>61</sup>. Хранившиеся в пятом отделе карточки были рассортированы в алфавитном порядке, по измерениям и по родам преступлений. По ним наводились справки о лицах, проходивших через стол привода. Здесь же хранились карточки («листки») разыскиваемых, судимых и т.д. и велся альбом неопознанных («непризнанных») трупов. В 1914 г. был открыт кабинет научно-технической экспертизы, обслуживавший запросы московской полиции и сыска в других городах. В нем проводились дактилоскопическая и баллистическая экспертизы, исследование волос, микрофотографирование, химические анализы<sup>62</sup>. За первые 5 месяцев своего существования московский кабинет сделал 160 экспертиз (60% из них составляли исследования документов, 20% – проведение дактилоскопии, 10% – исследования крови, 8% – химические исследования)<sup>63</sup>. Шестой отдел включал в себя музей и статистическую часть, которая занималась подготовкой месячных и годовых сводок, а также различных схем и графиков на их основе.

Лица, выполнявшие в полиции вспомогательные функции, набирались по найму. Среди них были писцы, машинисты, печатавшие документы, рассыльный и др.<sup>64</sup> Любопытно, что когда был ограблен музей полиции и похищено несколько «кукол», имитирующих пачки кредитных билетов, под подозрение попали полотеры, над которыми, как выяснилось, отсутствовал всякий надзор. Вещи из шкафчиков полицейских надзирателей пропадали и впоследствии.

Конечно, за подобными провалами следовали взыскания (как правило, внеочередные дежурства и выговоры, объявлявшиеся в приказе и заносившиеся в формулярный список). Приказы о запрещении пить во время несения службы издавались практически ежегодно. За их нарушение виновные не только получали выговоры, но даже увольнялись. К примеру, полицейский надзиратель третьего разряда Куль был уволен со службы приказом градоначальника и отдан под суд после того, как будучи пьяным задержал троих ни в чем не повинных людей, избил их и в результате был доставлен вместе с ними в участок чинами наружной полиции<sup>65</sup>. Наказания назначались за небрежное заполнение документов, неявку по вызову прокурора или судьи, который, кстати, также мог наложить за это штраф<sup>66</sup>. Всем чинам полиции было запрещено делать ставки на тотализаторе, посещать городские сады, увеселительные заведения, бега и скачки без особого разрешения начальства (за исключением дежурств на бегах представителя летучего отряда и полицейского надзирателя из местного отделения).

По своей структуре московская сыскная полиция начала XX в. была близка к английской системе организации сыска. Лондон был разделен на 22 района, в каждом из которых действовал инспектор и несколько агентов, а знаменитый Скотланд-Ярд располагал летучим отрядом, чьи задачи соответствовали российскому. В Берлине, напротив, все дела были сосредоточены в сыском управлении, включавшем 31 отдел с жесточайшей специализацией (один из них занимался расследованием краж в храмах, другой – на железной дороге, третий – в больших магазинах, четвертый – в купальнях и банях и т.д.)<sup>67</sup>.

Во время Февральской революции полиция была разогнана, многие ее служащие подверглись преследованиям. В Петрограде у себя на квартире был арестован, избит, ограблен и препровожден в Государственную думу Кошко, возглавлявший тогда VIII делопроизводство Департамента полиции. Характерно, что революционных матросов привел к нему выпущенный из тюрьмы уголовник<sup>68</sup>. Позднее Кошко был отпущен на свободу и эмигрировал, создав в Стамбуле первое в истории Турции частное детективное агентство (его компаньоном стал последний начальник московского охранного отделения А.П. Мартынов). Затем он переехал во Францию, где работал продавцом в магазине и писал свои воспоминания.

Но московская сыскная полиция продолжала работать и в 1917 г. После захвата власти большевиками руководители сыска покинули свои посты, рядовые же служащие вошли в состав московского уголовного розыска.

## Примечания

<sup>1</sup> *Андреевский И.Е.* Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России. СПб., 1883; *Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право. Пособие для студентов. СПб., 1911; *Тарасов И.Т.* Полиция в эпоху реформ. М., 1885.

<sup>2</sup> *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат XIX в. М., 1978; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

<sup>3</sup> *Мулукаев Р.С.* Избранные труды: к 80-летию со дня рождения. М., 2009; *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скриплев А.Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. М., 1992; *Реент Ю.А.* Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань, 2001.

<sup>4</sup> *Мулукаев Р.С.* Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. М., 1979; *Шиндэжикашвилли Д.И.* Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973; *Шаханов А.Н.* Московские обер-полицмейстеры и начальники сыскной полиции // Московский журнал. 2005. № 2. С. 2–9; № 3. С. 7–12.

<sup>5</sup> Пожалуй, наиболее информативны «предписания начальника московской сыскной полиции по вопросам обязанностей чинов сыскной полиции» (ЦИАМ, ф. 1293, оп. 2, д. 6).

<sup>6</sup> *Халютин Л.* Московский сыщик Яковлев // Полиция России. М.; СПб., 2010. С. 36–45.

<sup>7</sup> *Соколова А.И.* Московская сыскная полиция былых годов // Там же. С. 237–254.

<sup>8</sup> *Гиляровский В.А.* Сочинения. В 3 т. Т. 3. Москва и москвичи. М., 1994. С. 121.

<sup>9</sup> ПСЗ-III. Т. 1. СПб., 1885. № 131.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> ЦИАМ, ф. 1293, оп. 1, д. 20.

<sup>12</sup> Там же, ф. 46, оп. 16, д. 98. Список не датирован, однако начальником управления в нем указан полковник Пуркасов. Между тем до 1 сентября 1885 г. его возглавлял К.Г. Муравьев, а с 3 февраля 1886 г. – М.А. Эфенбах (там же, ф. 1293, оп. 1, д. 17; ф. 16, оп. 28, д. 346).

<sup>13</sup> Там же, ф. 1293, оп. 1, д. 2, л. 3.

<sup>14</sup> *Шаханов А.Н.* Указ. соч. // Московский журнал. 2005. № 3. С. 10.

<sup>15</sup> ЦИАМ, ф. 16, оп. 28, д. 346.

<sup>16</sup> *Дорошевич В.М.* Воспоминания. М., 2008. С. 190–191.

<sup>17</sup> ЦИАМ, ф. 16, оп. 202, д. 108.

<sup>18</sup> Там же, ф. 46, оп. 25, д. 4.

<sup>19</sup> ПСЗ-III. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30672. С. 448

<sup>20</sup> *Генсиор И.* Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников. Запись курса, пройденного начальниками сыскных отделений под руководством чиновника для особых поручений В.И. Лебедева в 1908 г. Ревель, 1911.

<sup>21</sup> *Лебедев В.И.* Руководство дрессировки полицейских собак. СПб., 1910. С. 7.

<sup>22</sup> *Лебедев В.И.* Полицейская сторожевая собака. Устав «Российское общество поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе». СПб., 1908.

<sup>23</sup> ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27829.

<sup>24</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 42.

<sup>25</sup> *Мартынов А.П.* Моя служба в отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 323.

<sup>26</sup> Москва в декабре 1905 года. М., 1906. С. 105.

<sup>27</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 99, л. 129; *Шаханов А.Н.* Указ. соч. // Московский журнал. 2005. № 3. С. 11.

<sup>28</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 52.

<sup>29</sup> ЦИАМ, ф. 46, д. 42, л. 21; д. 89, л. 17–18.

<sup>30</sup> ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 2. СПб., 1909. № 27829.

<sup>31</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 47, д. 123, л. 12.

<sup>32</sup> Там же, оп. 25, д. 42, л. 232.

<sup>33</sup> Рейнботовщина. К ревизии сенатора Гарина. М., 1909. С. 2.

<sup>34</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 1, л. 55.

<sup>35</sup> Там же, д. 42, л. 26.

<sup>36</sup> Там же, д. 44, л. 2.

- <sup>37</sup> Там же, д. 1, л. 23.
- <sup>38</sup> Там же, д. 42, л. 20.
- <sup>39</sup> Там же, л. 10.
- <sup>40</sup> Там же, д. 44, л. 12.
- <sup>41</sup> Там же, л. 13.
- <sup>42</sup> Там же, д. 1, л. 58.
- <sup>43</sup> Там же, оп. 24, д. 42, л. 44.
- <sup>44</sup> Там же, оп. 25, д. 1.
- <sup>45</sup> Там же, д. 52, 54.
- <sup>46</sup> Там же, оп. 47, д. 123.
- <sup>47</sup> Современным аналогом части является административный округ, а участка – район.
- <sup>48</sup> Хипес – вид преступлений, при котором проститутка или ее сообщник обворовывают клиентов.
- <sup>49</sup> ЦИАМ, ф. 1293, оп. 2, д. 18.
- <sup>50</sup> Там же, д. 5.
- <sup>51</sup> *Кошко А.Ф.* Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника московской сысской полиции. Т. 3. Негодяй. М., 2001. С. 162.
- <sup>52</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 89, л. 7.
- <sup>53</sup> Там же, л. 9.
- <sup>54</sup> Там же, ф. 1293, оп. 2, д. 17.
- <sup>55</sup> Там же, оп. 1, д. 5, л. 3.
- <sup>56</sup> *Торвальд Ю.* Век криминалистики. М., 1990. С. 42–44.
- <sup>57</sup> *Мулукаев Р.С.* Общеуголовная полиция... С. 19; Вестник полиции. 1910. № 28. С. 497.
- <sup>58</sup> ЦИАМ, ф. 46, оп. 25, д. 89, л. 17.
- <sup>59</sup> Там же, д. 99, л. 68.
- <sup>60</sup> *Кошко А.Ф.* Жестокие убийцы. Воспоминания начальника московской сысской полиции. СПб., 2009. С. 84–89.
- <sup>61</sup> *Мулукаев Р.С.* Общеуголовная полиция... С. 19.
- <sup>62</sup> Вестник полиции. 1910. № 27. С. 287.
- <sup>63</sup> Там же. 1910. № 42. С. 488.
- <sup>64</sup> ЦИАМ, ф. 1293, оп. 2, д. 6.
- <sup>65</sup> Там же, ф. 1293, оп. 2, д. 6, л. 24.
- <sup>66</sup> Там же, л. 26.
- <sup>67</sup> *Фосдик Р.Б.* Организация полиции в Европе. Пг., 1917.
- <sup>68</sup> *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 137.

© 2011 г. А. Б. ГУЛАРЯН\*

## РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ЖАНДАРМЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1894–1904 годах

В середине 1890-х гг. в российском революционном движении наметился новый этап. Время малочисленных тщательно законспирированных боевых организаций прошло. В начавшемся формировании массовых партий заметную роль играли эмигрантские газеты (прежде всего «Искра» и «Революционная Россия»), а также группы, распространявшие нелегальные издания. Революционерам противостояла хорошо отлаженная машина политического сыска, включавшая в себя Департамент полиции МВД, охранные отделения в столичных и наиболее крупных промышленных городах, Отдельный корпус жандармов и его местные органы – губернские жандармские уп-

---

\* **Гуларян Артем Борисович**, кандидат исторических наук, доцент Орловского аграрного университета.